

Ландшафт России как глобальный капитал

Родоман Борис Б.

*Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева,
Москва*

Из-за огромности территории России происходящие на ней процессы имеют глобальное значение и в немалой мере определяют ход всемирной истории. Сегодня наша страна фигурирует в мировом хозяйстве главным образом как экспортёр невозобновляемого энергосырья, что ставит наше будущее в рискованную зависимость от разнообразных изменчивых факторов, связанных с его добычей и потреблением. В настоящей статье излагается проект изменения и расширения роли России как поставщика природных ресурсов и условий, необходимых для выживания и развития всего человечества. Предполагается, что главным богатством нашей страны являются не отдельные полезные ископаемые или какие-то виды растительного и животного сырья, а весь *природный ландшафт*, или, если хотите, вся совокупность природных компонентов нашего культурного ландшафта. Сохранение и поддержание природного ландшафта как важнейшего фрагмента биосферы, его материально-вещественное и духовно-информационное *потребление без разрушения и истощения* должно стать приоритетной отраслью российского народного хозяйства.

Эта статья граничит с жанром *околонаучной публицистики* и является непосредственным продолжением, а отчасти и «прикладным завершением» нескольких сотен ранее опубликованных работ, большинство которых обладает научным статусом в сфере теоретико-географического моделирования российского пространства, или природно-культурного ландшафта [24] [ссылка на источник в списке литературы, помещённом в конце текста]. Выступая с прогнозами, проектами, программами того или иного возможного и/или желательного будущего, научный работник в роли публициста чаще всего прибегает к заведомо несовершенному методу экстраполяции; от оценки вероятности прогнозов и осуществимости пожеланий приходится отвлекаться. Я полагаю, что защитники природы и культуры должны быть максималистами в своих формулировках и требовать от государства и общества гораздо больше того, на что они сами надеются.

Для сохранения биосферы и выживания человечества необходимо, чтобы от четверти до трети всей земной суши занимали более или менее естественные леса, степи, прерии, луга, тундры, высокогорья с ледниками и снежниками и другие природные ландшафты с присущим им диким животным миром. Эта ориентировочная, весьма приблизительная экологическая норма почти столетия обращается в научной литературе и принята нами как некоторый важный *квазипостулат* [26]. Желательно, чтобы природные, натуральные земельные угодья пронизывали даже высоко урбанизированную и густо населённую людьми среду, хотя бы в виде нешироких коридоров, но поскольку это во многих регионах мира трудно осуществимо, то должна быть и экологическая компенсация в виде стран, где природный ландшафт наличествует в избытке и имеет, тем самым, международное значение.

Россия – одна из немногих крупных стран (наряду с Канадой и Бразилией), которая могла бы стать «профессиональным» экологическим донором для мирового сообщества. На мой взгляд, желательна *экологическая специализация* нашей страны в глобальном масштабе [30, 32] – превращение большей её части в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы [38]. Рассмотрим доводы в пользу такого нестандартного решения.

1. Сжатие обитаемого пространства

Российская империя заняла больше земель, чем смогла освоить и заселить. После отпадения от России прочих советских союзных республик в 1991 г. обнажились и усугубились черты инвертированного *внутреннего колониализма* [23]. Генетически нацеленная на бесконечную экспансию, наша держава, казалось бы, потерявшая возможности дальнейшего расширения, обратила свою колониционную инерцию внутрь страны, что проявилось, в частности, в грандиозном захвате и переделе пригородных и городских земель [27]. Напротив, вдали от больших городов та самая земля, из-за которой в прошлые века было пролито немало крови и чернил, оказалась, выражаясь на современном новоязе, «бесхозной».

Советские командно-административные кампании по освоению, заселению, подъёму, мелиорации разного рода территорий во многих случаях привели к их опустошению. *Обитаемое пространство* внутри Российской Федерации сокращается и фрагментируется [7]. Этот процесс стал весьма заметным ещё в советское время, особенно после укрупнения колхозов и объявления малых деревень неперспективными, а после краха СССР он только усилился. Более или менее «цивилизованная жизнь» (по западноевропейским стандартам) в современной России оказалась возможной только в больших городах и отчасти в их пригородах, а также кое-где вдоль крупнейших транспортных магистралей. Остальное пространство используется незначительно и даже слабее, чем до революции 1917 г.

Упадок деревни – это отчасти всемирный процесс, обратная сторона всеобщей урбанизации, но это и хроническая, тысячелетняя болезнь России, вызванная непрекращающимся насилием над сельскими жителями, которым не позволяли развиваться самостоятельно, а постоянно давили, разоряли сверху – податями, повинностями, реформами, репрессиями. В одном только XX веке деревня в средней полосе России пережила, по моим подсчётам, не менее двадцати роковых ударов: столыпинскую реформу, первую мировую войну, революцию и гражданскую войну, крестьянские восстания, коллективизацию с раскулачиванием, голодомор, советско-германскую войну, партизанские действия в оккупированных районах, репрессии против сотрудничавших с оккупантами, переселение в опустевшие сёла из других регионов, острую нехватку мужчин, паспортизацию (равносильную отмене крепостного права и позволившую колхозникам бежать из деревни), укрупнение колхозов с ликвидацией «неперспективных» деревень, «мелиорации», химизацию, приватизацию с крахом и перерождением колхозов и совхозов, неразбериху с собственностью, *сезонную субурбанизацию* [13] с превращением традиционной деревни в летнее поселение горожан.

В том или ином смысле «нормальное», «здоровое» сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует в пригородных зонах вокруг больших городов, а разносторонняя крестьянская жизнь и демографически полноценное сельское население наблюдается у некоторых нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири – не столько как их этническая специфика, сколько как пережиток прошлого [15]. У этих народов в сельской местности сохраняется многодетная семья и патриархальный уклад, который в начале XX века был повсеместным и у русских крестьян (внутрисемейное разделение труда, отход на заработки в города и т.п.). Так, у поволжских татар сельское хозяйство, поддерживаемое всеми членами семьи, удачно сочетается с работой мужчин на городских стройках [16]; столичные строительные организации приспособились к такому вахтенному режиму.

В наши дни нерусские народы Волго-Урала оказались прекрасными наследниками вымирающей русской крестьянской культуры [8, 10, 28]. Но русские, разорённые коллективизацией и раскулачиванием деревни, и отчасти развращённые своим положением «титального этноса», в большей степени переселились в города насовсем и

утратили связь с землёй, в массе поступили на работу на фабрики, затем ушли жить в партию, в КГБ, в элитные части армии, разбросались по огромной стране, везде чувствуя себя как дома. А малые народы крепче держатся за свою землю как за единственную и незаменимую малую родину. Сыграла свою роль и меньшая подверженность мусульман пьянству.

В остальной сельской местности коренное население заметно деградирует и вырождается; там круглый год проживают главным образом инвалиды и пенсионеры, а из мужчин трудоспособного возраста – неисправимые алкоголики, перебивающиеся случайными заработками, но не способные к дисциплинированному труду. Для них бесполезно создавать рабочие места. Они, получив зарплату, сразу же её пропьют, а работодателю придётся то ли принуждать местных мужиков закодироваться, то ли приглашать на работу таджиков, корейцев и т.п. На большей части российского Нечерноземья деревня если не исчезла совсем, то стала реликтовым явлением и поддерживается летней деятельностью горожан, а вокруг городов преобразовалась в дачные посёлки [4, 13, 27].

Известные надежды на экономическое и социальное развитие России можно отнести к её большим городам и к окружающему их *субурбанизированному ядру*, сосредоточенному вокруг Москвы и распределённому возле региональных «столиц» (центров «субъектов федерации»). А что делать с остальной территорией, *внешней и внутренней периферией*, занимающей миллионы (!) квадратных километров? Думается, что ареалы экономического затишья и упадка можно превратить в места *процветающего природного ландшафта*, который ведь всё равно должен где-то размещаться.

2. Одичание земли, ренатурализация ландшафта

В России после 1991 г. увеличилась *социально-экономическая поляризация*, усилились различия и усугубилась пропасть между богатым, влиятельным меньшинством и бедным, бесправным большинством сограждан. Аналогично возросли контрасты между столицей и провинцией, центрами и периферией на всех территориальных уровнях: и в рамках страны, и в каждом регионе (субъекте федерации), и во внутриобластном (сельском) административном районе, и в отдельно взятом городе. В географических районах разного размера и ранга относительный подъём центров сопровождается упадком окраин. Тем самым, появляются новые «пустыри», подходящие для (само)восстановления природных биоценозов.

Разительная поляризация российского общества повлекла за собой *экологическую* поляризацию ландшафта, растительного покрова, дикого животного мира. В Нечерноземье исчезают созданные трудом многих поколений культурные уголья – пашня, сенокосы, пастбища – в противоположных транспортно-географических условиях: с одной стороны, вдали от больших городов и магистральных дорог; с другой стороны – в пагубной близости от алчных городских застройщиков. В отдалённой от столицы сельской глубинке, особенно на западе Центральной России, в результате зарастания полей сорными травами, кустарниками и деревьями, возникает новая растительная и ландшафтная формация, которую я и мои коллеги-географы назвали «русской саванной» [35]. А в ближнем Подмосковье, вокруг бывших сёл, превратившихся в коттеджные посёлки, поля завоёваны крапивой и ядовитым борщевиком выше человеческого роста. Парадоксально, что одичание ландшафта происходит под боком у столицы, в виду её небоскрёбов, маячащих на горизонте. Ведь бывшие сельские поля обитателям коттеджей совершенно не нужны; опушки и придорожные полосы лесов понадобились чуть больше – для выездов на пикники и как слабо замаскированные нелегальные свалки бытовых отходов. Не исключено, что пригородные леса и пустоши более всего перспективны как охотничьи уголья для наших «неопомещиков».

Поляризация животного мира идёт, так сказать, с обратным знаком: погибают требовательные к среде звери-«аристократы», а выживают более всеядные «плебеи», приспособленные к сосуществованию с людьми. Почти на глазах у взволнованных телезрителей исчезают леопард и тигр, на спасение которых наивные иностранные меценаты выделяют немалые суммы. Между тем, периодически увеличиваясь или уменьшаясь в численности, возвращаются в прежние места обитания и облюбовывают себе новые экологические ниши дикий кабан, лисица, заяц, лось, а временами и волк, успешно скрещивающийся на пригородных свалках с одичавшими собаками.

Несмотря на немалые достижения в области природоохранного законодательства, добиться его сколько-нибудь эффективного применения в нашей стране пока не удалось. Российские законы и обычаи фактически не защищают биосферу, её элементы сохраняются только благодаря относительно плохой транспортной доступности. Выходит, что в парадоксальных российских условиях бездорожье и удорожание транспорта экологически полезны. И, наоборот, нет более верного способа погубить любой природный объект, как провести к нему автодорогу. Относительно плохую транспортную доступность уязвимых природных объектов можно поддерживать, ускоряя и удешевляя сообщение по редкой, но мощной сети немногих главных магистралей; иными словами, не строить новые дороги, но улучшать существующие. В таком случае поездки в глубинку будут казаться сравнительно медленными, длительными и трудными, требующими чрезмерных затрат драгоценного времени. Это одно из фундаментальных положений концепции «поляризованного ландшафта» [26].

Способность природного ландшафта к самовосстановлению не следует недооценивать. Наряду с зонами чрезвычайного загрязнения и экологического бедствия, в России есть обширные территории, где даже при сильном нарушении и замене их естественного растительного покрова и других компонентов ландшафта не всё потеряно, природные территориальные комплексы могут восстановиться, там есть что сохранять, хотя леса вторичны и далеко не девственны. Представление о загрязнённости земной поверхности у подавляющего большинства россиян преувеличено, потому что они не отходят пешком далее 2 км от проезжих дорог. У обывателей, живущих в эпоху всеобщей автомобилизации, нет стимулов и поводов заглядывать в неизвестный им «внедорожный мир», он для них просто не существует.

3. Экологический потенциал административных границ

Российский культурный ландшафт – результат взаимодействия с природой не столько общества, сколько государства [7] – централизованного, авторитарного, не служебного, а господствующего над своим населением. Это особенно касается всего периода после 1917 г. – как советского, так и постсоветского. Географическое пространство современной России во многом подобно её бюрократической структуре. Сформировался уникальный централизованный *тоталитарный ландшафт*, в котором «вертикальные» (на местности и карте – радиальные) связи усилены, а «горизонтальные» (прочие) ослаблены. Например, все области, края, республики хорошо связаны с Москвой, но плохо – между собой, если не «нанизаны» на магистраль, ведущую к столице.

Вопреки не сбывшимся надеждам на рыночную демократизацию и либерализацию, тоталитарный ландшафт в постсоветской России продолжает укрепляться, в унисон с усилением «властной вертикали», из-за растущей бюрократизации, ослабление которой не предвидится. Роль иерархии чиновников и административных барьеров между территориями возрастает. Но если бы эта система начала отмирать, как это одно время казалось в 90-х годах, она всё равно по инерции существовала бы ещё несколько десятилетий и заставляла с собой считаться. Вот этой реликтовой, архаичной особенностью России, по-видимому, не известной и не понятной иностранным географам, можно воспользоваться в благих целях – в интересах охраны природы. Архаизм

тоталитарного ландшафта не должен нас смущать, потому что в постиндустриальном (следовательно, неиндустриальном) обществе могут и должны возрождаться многие черты доиндустриального и даже «первобытного» образа жизни (например, в рекреации).

В сильно централизованном советском и постсоветском пространстве почти все «производительные силы» (вне мест добычи ископаемых) сосредоточены в центрах «субъектов федерации» и, реже, в их вторых городах (таких, как Тольятти и Череповец), а на границах регионов в стороне от межобластных дорог сформировались малолюдные «мёртвые» полосы, где традиционные сельские поселения в лесной зоне исчезли ещё в советское время. Здесь в наибольшей степени происходит вышеописанное одичание культурного и возрождение природного ландшафта. Аналогична ситуация и в сети внутриобластных административных районов, но их приграничные полосы гораздо уже.

Для поддержания жизнеспособности и целостности биосферы природные уголья должны занимать не только достаточную площадь, но и составлять сплошной массив, хотя бы в виде *зелёных коридоров*. Существующие в России административные границы – почти готовый каркас для *эконета*, т.е. для сплошной трансконтинентальной сети «особо охраняемых» (правильнее было бы называть их «особо сберегаемыми») природных территорий (ООПТ) [40], о которой в Западной Европе только мечтают. Там надо выкупать и рекультивировать многие земли, возмещая разным владельцам ущерб и упущенную выгоду, а в нашей стране пограничная зелёная сеть растёт сама собой, оставаясь пока вне всякой экономики; происходит стихийная *эконетизация административных границ* [11].

Для сохранения благоприятного экологического потенциала нужна *стабильность административно-территориального деления* (АТД), а оно у нас, к счастью, практически не изменялось с середины XX века. Плоды некоторых изменений, внесённых Н.С.Хрущёвым, были после его отставки ликвидированы. С тех пор наши регионы овегетивились и окостенели, превратились в своего рода коммунальные предприятия и феодальные усадьбы, а их границы стали «живыми изгородями», уже используемыми для модных ныне национальных парков. Размещение природного парка на окраине «субъекта федерации» воспринимается теперь как норма, но, к сожалению, наши национальные парки обычно располагаются по одну сторону межобластной границы, а по другую её сторону такой же лес нещадно эксплуатируется, что лишний раз свидетельствует об изоляции и несогласованности развития соседних регионов. Крупнейшие ООПТ должны быть *интеррегиональными* кондоминиумами или находиться в федеральном подчинении, как и военные спецтерритории (о них скажем в следующем разделе).

В 2004 г. проекты радикальной реформы АТД изрядно напугали географов, всю жизнь занимающихся районированием, но пока можно сказать, что «гора родила мышь»: возвращение некоторых автономных округов под власть своих областей и краёв не привело к сколько-нибудь заметной передвижке и упразднению границ. А вот объединение, например, Смоленской области с Тверской или Ульяновской с Татарстаном в одну губернию маловероятно: московский Кремль, кажется, нашёл менее причудливые способы обуздания местных бояр, введя новый порядок назначения губернаторов. Угроза реформы АТД остаётся в виде запасного козыря, который власть когда-нибудь опять извлечёт при удобном случае, но если такая реформа пройдёт, как и при создании федеральных округов, нашим обычным способом, т.е. путём группировки имеющихся целых единиц, то их границы лишь частично изменят свои ранги и проницаемость, но останутся на месте и сохраняют своё экологическое значение. Валдайскому медведю безразлично, является ли некоторая линия границей только между областями Тверской и Новгородской или она разделяет к тому же ещё и федеральные округа: ему важно, что граница отталкивает людей, а своей конфигурацией сохраняет для нашего зверя уютный «медвежий угол».

Влияние административной границы на прилегающие территории зависит, между прочими факторами, от возраста этой границы и от степени её извилистости.

Окостенению культурного ландшафта и экономическому опустошению, а следовательно, возрождению природы на приграничных территориях, способствуют границы старые, давно устоявшиеся и слабо извилистые, имеющие исторических предшественников в виде прежних хозяйственных, административных, государственных границ. Повышенной «экофильностью» или «биогенностью» обладают *узлы границ*, т.е. стыки (обычно трёх) разграничиваемых административных территорий; такие места особенно благоприятны для природных заповедников.

Идее эконета, пересаживаемой на российскую почву, угрожает опасная профанация. В урбанизированных ареалах велик соблазн вырубить большую часть лесов, а оставить от них только узкие зелёные коридоры, как это ныне намечается в Московской области [14]. Но природа не станет укладываться на произвольно отведённое ей прокрустово ложе. Эконет придуман экологами не для уменьшения площади существующих природных угодий, а для их сохранения и расширения. Руководствуясь извращённой идеей эконета, можно погубить природный ландшафт, а вину за это свалить на учёных.

4. Экологическая конверсия милитаризма

Ни в какой другой стране военные не занимают в мирное время такой огромной площади, как в России. Нигде полигоны с опасными складами оружия, взрывчатки, отравляющих веществ не прижимаются так тесно к столице и большим городам. Вооружённые силы у нас – унаследованный от СССР командно-административный сектор народного хозяйства, основанный на дешёвом, в сущности, рабском труде и обслуживающий верхушку военной касты. В интересах силовиков продолжается гонка вооружений, поддерживаются вооружённые конфликты и международная напряжённость, стимулируется преступность, фабрикуются уголовные дела, оправдывается и укрепляется авторитарный политический режим. Однако колоссальной энергии военизированных учреждений можно найти более полезное, гуманное, в том числе экологическое, применение, причем без упразднений, сокращений, увольнений.

Министерство обороны РФ – крупнейший в мире консолидированный землепользователь. За колючей проволокой наших запретных зон, если судить, например, по Подмоскovie, может скрываться до десятой части страны. В одной только Московской области спецтерритории занимают площади не меньше герцогства Люксембург. (Подсчитано по «белым пятнам» на картах в лаборатории земельных ресурсов географического факультета МГУ и подтверждено наблюдениями на местности). В гигантской советской державе, где денег не считали и земля ничего не стоила, военные заняли в десятки и сотни раз больше площади, чем требовалось для выполнения их прямых функций. Они упрятали свои объекты, хорошо видимые с воздуха и давно сфотографированные при помощи иностранных спутников, в дремучие леса якобы для маскировки, согнали и выселили тысячи деревень. Но нет худа без добра! Если случившееся зло не поправимо, надо поискать хоть какую-то пользу от его последствий. Сегодня на обветшавших военных полигонах сохраняются неплохие леса и богатый животный мир. А звери и птицы лучше уживаются с грохотом танков и снарядов, нежели с натиском дачников и автомобилей. Недаром эти полигоны усердно используются военными охотниками.

Расположение и очертания спецтерриторий напрямую не связаны с АТД, а природопользование в них не зависит от региональных властей, но это и требуется для эффективной охраны природы. Военные земли в России и по своему ландшафтному наполнению, и по географическому положению – это уже *потенциальные природные заповедники*. В наших интересах, чтобы эти земли сохранялись за военными ведомствами как можно дольше, до лучших времён. А если эти полигоны продать и распределить между частниками, то те вырубят леса и застроят всё гораздо гуще.

Во многих случаях существующие заповедники, национальные парки, природные заказники содержат на своей территории военные объекты и полигоны, используются для их маскировки на географической карте, охраняются вооружёнными силами в качестве угодий для «царской» охоты; словом, какое-то сосуществование природных и военных «особо охраняемых территорий» в нашей стране давно сложилось. Ведь само слово «охраняемые» в представлении обывателя предполагает наличие вооружённых охранников. Фактически особо охраняемыми природными территориями как раз и являются военные полигоны, а также правительственные дачи и охотничьи заказники, усадьбы «олигархов». О действенной охране прочих «особых природных территорий» остаётся только мечтать.

Военные отнюдь не выглядят друзьями природы; тем более, их экологическое перевоспитание не кажется лёгким делом. Обитатели военных городков и полигонов рубят и продают лес, загрязняют почву и водоёмы, отравляют воздух, охотятся без правил, глушат рыбу, но всё это – привычная, стабильная ситуация и *меньшее зло* по сравнению с тем, что будет после дикой распродажи, приватизации, застройки тех же земель частниками. И что бы там ни творили наши доблестные вояки в своих загонах-полигонах, они невольно выполняют важную экологическую задачу – не пускать посторонних в лесистую запретную зону. Сегодня военные лучше сохраняют занятый ими природный ландшафт, чем номинальные по своей сути заповедники и национальные парки – эти *особо коррумпированные природные территории*, по сути дела, привилегированные охотхозяйства и лесхозы с жалким штатом зависимых и беспомощных научных сотрудников. Конечно, не требуется отдавать под военные полигоны ещё какие-то земли для охраны природы, достаточно сохранять существующую неприглядную ситуацию; ведь меньшее зло – это тот вид блага, который нам наиболее доступен.

На внешних границах Российской Федерации у вооружённых сил должны сохраняться прежние и развиваться новые функции – оборонять страну от экологической агрессии, нежелательной иммиграции, экологического и демографического давления соседей. Военным, в сущности, не так уже важно, против какого назначенного для них противника направлять оружие, лишь бы сохранять свой образ жизни, свою офицерскую и генеральскую касту. Социальная задача самосохранения традиционного военного сообщества вполне осуществима при постепенном превращении какой-то части российской армии в подразделение *международной экологической полиции* или жандармерии [9]. Российской земле нынче угрожают не завоеватели территории с самолётами и ракетами, а скупщики её сырья, использующие российских браконьеров и компрадоров; с этой публикой должны сражаться наши вооружённые силы в первую очередь.

Предложение военным участвовать в природоохранной работе нисколько не задевает их честь и достоинство. У вооружённых сил во всех странах много разнообразных функций. Война, к которой они готовятся, бывает редко и обычно не такой, какую ожидали, поэтому велик соблазн в мирное время отвлекать военнослужащих от их прямых обязанностей и использовать для побочных занятий, что широко практикуется и в нашей стране ещё с советских времён. Кроме того, существует немало профессиональных силовых структур, по своим функциям промежуточных между настоящей «полевой» армией и повседневной полицией. Таковы пограничники, внутренние войска, жандармерия, подразделения МЧС. Военные широко привлекаются для помощи при стихийных бедствиях. Если армия используется при лесных пожарах, наводнениях, землетрясениях, то это её прямое соприкосновение с экологией. Большим, растянутым во времени и пространстве стихийным бедствием может считаться весь нынешний всемирный экологический кризис, а потому и помощь военных весьма уместна.

Если отечественные коррумпированные силовики не справляются с браконьерами и, более того, сами становятся таковыми или их «крышей», то надо привлекать иностранных

специалистов, военных и гражданских, из стран с низким уровнем коррупции. Для России это не ново. Иностранцы с XVII века приглашались в нашу страну на службу по двум критериям – профессионализму и честности. Еще Пётр I набирал иностранцев на флот и в армию, в промышленность и в науку. Позже в этих областях выросли отечественные кадры. В XIX веке в качестве управляющих имениями и фабриками брали немцев, как остзейских, так и из германских стран. Сегодня России до зарезу нужен *иностраннный полицейский легион*. Его отряды надо почаще переводить с места на место, пока они не спелись с местными бандитами. Плохое знание русского языка и местных обычаев в данном случае может быть и кстати.

5. Межэтническое разделение труда и менталитет

В многоэтничных империях нередко складывалось *межэтническое разделение труда*: к господствующему этносу, состоящему из прямых потомков завоевателей, обычно принадлежали чиновники и землевладельцы; инородцы занимались разными ремёслами, торговали, выполняли чёрную работу. В средневековом обществе такое разделение функций закреплялось сословиями, кастами, конфессиями; в наше время оно образуется неформально в силу различного доступа разных этносов к тем или иным ресурсам и в зависимости от того, какие ниши уже заняли другие этносы.

В Российской империи межэтническое разделение труда процветало в западных и юго-западных губерниях, в Крыму, в Нижнем Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии. Так, в дельте Волги, которую я изучал в 1952 и 1954 гг. в Прикаспийской экспедиции географического факультета МГУ, до революции 1917 г. татары выращивали овощи и бахчевые культуры, калмыки и казахи (тогда называвшиеся киргизами) занимались скотоводством, а русские ловили рыбу. Рыболовство было главным стимулом завоевания низовьев Волги Россией. За вольными рыболовами, первоначально не подчинявшимися никакому правительству, приходили войска и присоединяли акваторию и территорию к Московскому государству.

Советская власть боролась с межэтническим разделением труда, но до конца его не искоренила. Ловить рыбу с одинаковым успехом могли все «национальности», но на работу чабанами пришлось брать казахов. И в наши дни, т.е. в начале XXI века, в заволжских степях пасут скот выходцы с Кавказа и Казахстана, а овощи выращивают корейцы [15, 16].

К современной, постсоветской реальности хорошо приспособлены азиатские народы, сохраняющие патриархально-родовой уклад, клановое общество с высокой ролью землячества и родственных связей. Таким общинам не очень нужны формальные законы. Рядовые представители таких народов при всяких конфликтах редко выступают в качестве самостоятельных субъектов и объектов; за них договариваются, сторговываются с чиновниками хозяева, вожди, руководители группировок, общин, диаспор. Этнические же русские с их малодетными семьями, не имеющие значительной опоры в родственниках и земляках, при недостатке партнёров, которым можно доверять, без солидарности и сплочённости, присущей дискриминируемым меньшинствам, – более разрознены, атомизированы, беззащитны и перед государственными чиновниками и силовиками, и перед частными бандитами, поэтому менее конкурентоспособны в малом бизнесе. С таким набором человеческих качеств лучше находиться на службе у государства или мощной полугосударственной корпорации, нежели рисковать в самостоятельном предпринимательстве, удушаемом рэкетом и обречённом на экспроприацию.

За свежими примерами не надо ходить далеко. Характерное почти средневековое этническое разделение труда сложилось в современной Москве. Здесь улицы подметают иммигранты из Средней Азии, на рынках торгуют азербайджанцы, на стройках работают

татары, таджики, молдаване, в силовых структурах служат славяне, а коренные москвичи молодого и среднего возраста, запасшиеся дипломами, распределяют деньги в офисах.

Склонность этноса к тем или иным занятиям, как и весь его менталитет, не является фатальной и врождённой (заложённой в генах), она исторически преходяща, способна быстро изменяться и, наоборот, возрождаться, воспроизводиться при аналогичном стечении обстоятельств. Так, оказавшись за рубежом в диаспоре или в оппозиционном меньшинстве, те же русские занимают неожиданные экономические ниши. Но у себя на родине, в любой постсоветской республике, будь то вся Российская Федерация, входящий в неё Башкортостан или недалёкий от него независимый Казахстан, – «титულный» этнос пополняет правящую номенклатуру.

Мечтая о достойном будущем для России, нельзя не считаться с менталитетом и обычаями *имперского народа*. У нас, как и прежде, высок и прочен статус чиновника, а не «бизнесмена». Ведь почти всё, накопленное в частном секторе, после очередного передела собственности достаётся новому поколению хозяйствующих бюрократов [25]. Типичный россиянин – не предприниматель, а служащий, его кормит государство: более или менее прямо, делясь с ним в виде жалованья доходами от невозобновляемых природных ресурсов, или косвенно, позволяя ему самому «пасть и охотиться», т.е. грабить природу и обирать других людей. Аналогично, мелкий «бизнесмен», «предприниматель» в России – *de facto* бесправный теневой служащий коррумпированных чиновников и силовиков. Крупнейших собственников («олигархов») тоже назначает, или позволяет им оставаться таковыми, высшая государственная власть.

Если в каком-то российском регионе местное население само не может (не хочет, не умеет) культурно использовать землю и не позволяет это делать чужим, приезжим, то это прискорбно с точки зрения классической политэкономии, но для самовосстановления природного ландшафта – весьма полезно. Менталитет охранника, сторожа, инспектора; разнообразная, в том числе экономическая, народная ксенофобия, неприязнь и зависть к активным и преуспевающим «дельцам», «торгашам» и другие подобные качества, очевидно, укоренённые в национальном характере россиян, могут пригодиться для всякого рода охраны территории.

«Собака на сене» станет положительным персонажем, если Россия изберёт «профессию» *экологического сторожа*. Сидеть у входа, стоять на посту, ловить и штрафовать чужих, но милостиво пропускать своих – излюбленные занятия и способы самоутверждения у малообразованной части мужского населения, выросшего в военно-полицейском государстве, где камуфляжная форма пользуется огромной популярностью не только у военных. Поддержание природоохранного режима на громадных и малонаселённых территориях – это не бизнес, а *полицейская работа*. К такого рода занятиям россияне подготовлены тысячелетним ходом своей истории, они приспособились к полицейско-бюрократическому строю, для них понятно и привычно пребывание в обеих взаимосвязанных и сменяющихся ролях – карателя (хищника) и его жертвы.

Многие россияне, особенно мужчины, не могут представить себя в ролях обслуживающего персонала, который постоянно улыбается и кланяется клиентам, но в моём экологическом проекте учитывается эта гордыня и спесь. Нашим согражданам предлагаются такие должности, на которых они могут оставаться если не совсем уж угрюмыми и хмурыми, то достаточно холодными и суровыми: охранять родную землю, не пускать на неё иностранных и отечественных браконьеров.

6. Малолюдность или перенаселённость?

Население России к 1993 г. достигло максимума в 148,7 млн. человек, с тех пор уменьшалось в среднем на 450 тыс. в год и стало 142,0 млн. в начале 2008 г. Россияне

рассредоточились по площади более чем в полторы Европы, но на двух третях этой территории плотность населения меньше одного человека на квадратный километр.

Призывы остановить депопуляцию России не вяжутся с выводами исследователей, что до 80% её жителей – *экономически лишние*; они не причастны к нефтегазовой трубе, не нужны высшим чиновникам, не очень перспективны в качестве производителей и потребителей, обречены на деградацию и вымирание (надо полагать, не от голода, а от алкоголизма, наркомании, аварий, насилия, ухудшения ближайшей среды обитания и т.п.); целые социально-профессиональные слои погружаются на социальное дно [21]. При таком низком качестве жизни у большинства россиян заботы государственных деятелей об увеличении людности нашей страны выглядят неуместными.

Если вышеприведённая ориентировочная цифра кого-то пугает, то её можно смягчить следующими рассуждениями. Да, около четырех пятых населения нашей страны не нужны как источник существенной прибыли для нынешних хозяев и ощущается ими как обуза и помеха, но, во-первых, хозяева и направление хозяйства могут измениться, а во-вторых «экономически лишние» граждане могут быть социально ценными в ролях, не востребованных сегодняшним рынком. И, наконец, в-третьих, если 80% людей оказались экономически лишними, то игнорирующие их прочие 20%, за то, что они допустили такую ситуацию, можно считать морально лишними, неприемлемыми и невозможными в воображаемом нами каком-то идеальном «гражданском обществе».

Правда и то, что отодвигаемое от нефтегазовой трубы население создало свою *народную экономику выживания* (садовые участки, челночная и уличная торговля, браконьерство, извоз), от которой кормятся и низшие чиновники, и милиция, но «элите», прописанной в западной половине Москвы, активный народ тоже ни к чему. Так что по отношению к нынешней экспортно-импортной ориентации и к сложившимся в стране порядкам можно говорить об *экономической перенаселённости*.

Население России может быть быстро увеличено за счёт иммигрантов из зарубежной Азии, которые будут работать не только на стройках, но и выращивать у нас овощи, шить одежду, собирать машины и приборы. Они способны возродить Россию в качестве заурядной индустриально-аграрной страны и путём колонизации превратить Южную Сибирь во вторую Маньчжурию, которая в XIX веке была столь же малолюдной, изобиловала лесами и зверьём, как Сибирь, а сегодня насчитывает около 100 млн. жителей. Но нужно ли нашей стране такое «развитие»?

Привлекать иммигрантов хотят многие российские предприниматели и чиновники, чтобы развивать традиционные отрасли хозяйства – такие ныне процветающие, как производство стройматериалов и строительство, и такие ныне недостаточные или упадочные, как производство машин и приборов невоенного назначения. Иммигранты нужны и потому, что их труд дешевле, и по причине нехватки отечественного «рабочего класса» и безнадёжности программ его выращивания из наших подростков. При этом некоторые чиновники, социологи, публицисты считают приток иммигрантов, прежде всего славян из бывших советских республик, желательным только для того, чтобы просто увеличить народонаселение России, не очень задумываясь над тем, что эти приезжие и их дети будут здесь делать.

Умножать и размножать людей для развития производства или развивать производство для умножения и размножения людей – мне оба подхода кажутся бесчеловечными и цинично-скотоводческими. Человек должен быть не объектом манипуляций, не средством, а целью деятельности. Развитие производства для увеличения числа рабочих мест я тоже считаю не благом, а болезненным извращением современной рыночной экономики, приводящим к засорению биосферы вещами, без которых люди при здоровом образе жизни и более духовных интересах могли бы вполне обойтись [33]. Гуманным и экологичным мог бы стать третий путь – поддерживать в нашей стране такую экономику, которая в добавочной рабочей силе не очень нуждается. Для охраны природы на своей территории существующей численности населения в России вполне достаточно.

За разговорами политиков и журналистов о депопуляции нашей страны обычно кроется забота не о населении вообще, а только о русском этносе; увеличения только его численности хотят русские националисты, но и их наверное не порадует бэби-бум у люмпенов, алкоголиков, наркоманов, инвалидов, олигофренов, несовершеннолетних. Средний класс вряд ли станет усиленно рожать детей ради получения жилплощади, пайков, денежных пособий. На это клюнут лишь некоторые придонные слои общества.

Механизм использования детских пособий и пенсий по инвалидности хорошо отработан в российской глубинке, в упадочных посёлках, где семьи живут в отдельных домах или в квартирах-секциях одноэтажных бараков с приусадебными участками. Тут надо вспомнить, что в этой своеобразной «социально-географической» среде почти все половые акты совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Молодёжь даже не представляет, как можно заняться «этим делом», не напившись хотя бы пива. Ребёнка, как правило, дебильного, зачатого в пьяном виде, держат взаперти, оправдывая это его умственной неполноценностью, иногда на привязи и в клетке, почти без одежды, и кормят только так, чтобы он не умер, а пособия пропивают. Такая пьянчуга-мать будет без всякого смущения рожать и в 40, и в 45 лет, если позволит изношенный организм. Её скорее всего лишат родительских прав, а чадо заберут в детский дом, откуда прямая дорога ведёт в воровскую шайку и в места заключения, от которых кормится заинтересованное в размножении уголовников постоянно растущее ведомство МВД.

В России любое стимулирование рождаемости деньгами будет только способствовать дальнейшему росту алкоголизма, наркомании, преступности. Да и не от одной рождаемости зависит численность населения, а от множества факторов и тенденций, на перелом которых у нашей страны попросту нет времени. «Хорошего» роста населения и «правильной» рождаемости социологи и демографы не обещают. Значит, надо приспособляться к существующей ситуации и, более того, попытаться использовать её как козырь.

Малолюдность России в сравнении с её площадью для экологической специализации – явный плюс. Национальный парк не должен быть густо населён людьми, а на территории заповедника вообще не должно быть человеческих поселений. Для поддержания благоприятного ландшафта и неинтенсивного, экофильного землеприродопользования, для простого сохранения природы путем консервации существующего во многих местах бездорожья и недопущения масс людей на территорию, где им быть не положено, требуется гораздо меньше работников, чем в сельском хозяйстве и при добыче полезных ископаемых, и уж подавно меньше, чем в промышленном производстве, бизнесе, бюрократическом аппарате. В отличие от городского или усадебного парка, где видимость естественного пейзажа создаётся и поддерживается кропотливым трудом людей, в природном национальном парке и, уж тем более, в заповеднике множества работников не требуется, так как там свободно трудится сама дикая природа, а наше дело – ей не мешать.

Альтернатива кажется простой: 1) развивая производство и наращивая добычу сырья, в конце концов уступить Сибирь и Дальний Восток заинтересованным и участвующим в этой деятельности соседним странам; 2) не развивать там никакого хозяйства, но удерживать эти земли в качестве природного резервата под патронатом ООН, в союзе с Европой и США; нести ответственность за чистые Саяны, Алтай, Байкал перед мировым сообществом.

7. Резерваты и резервации

Ландшафт и этнос (почти по Л.Гумилёву) взаимосвязаны; один без другого – ни возродить, ни уничтожить. В национальных парках хозяйственная деятельность не запрещается, но ограничивается. Как правило, это традиционные сельские и охотничье-промысловые занятия аборигенов. А таковыми являются не только экзотические

исчезающие народы, но и некоторые более крупные. Россия в качестве гигантского природного парка необходима и для сохранения русского народа (наряду с другими, совсем малочисленными). Нужна надёжная *этноприродная резервация* для тех россиян, которые не хотят рвать связь с родным ландшафтом и сельской местностью. А где, кроме особого рода охраняемых (сберегаемых) территорий, можно сохранить в качестве культурного наследия и типичный «русский» пейзаж, запечатлённый в творениях художников, и старинные помещичьи усадьбы, и традиционную русскую деревню с её бревенчатыми избами, с гусями и козами на травянистых улицах?

К сожалению, понятие резервации извращено и осквернено советской пропагандой; оно и современным россиянам представляется как некоторое *гетто* или *концлагерь*, куда аборигены загнаны насильно, так что и выходить с этим термином на публику опасно. В моём понимании *резерват*, или *резервация* – это такая особая территория (лучше сказать, особо сберегаемая, чем особо охраняемая, а еще лучше вспомнить базовый, плохо переводимый на русский язык термин *protected area*), на которой специальными мерами сохраняются, охраняются, защищаются некоторые уязвимые, беззащитные, слабые, исчезающие, реликтовые, редкие, уникальные, особо ценные элементы природного и культурного наследия. Это определение в равной мере действительно для людей, животных, растений и ландшафта.

В резервациях для людей их обитатели и выходцы оттуда наделяются особого рода привилегиями – компенсационными и оборонительными. Привилегии для аборигенов являются *компенсационными*, если они отчасти возмещают ущерб, не столько материальный, сколько моральный, за нанесённую данному народу историческую травму, за то, что предков этих аборигенов истребляли, вытесняли, считали дикарями, подвергали дискриминации и т.д. Привилегии являются *оборонительными*, если на данной территории ограничивается деятельность чужих, посторонних, которые могли бы разрушить традиционный образ жизни и местный ландшафт.

В эпоху глобализации и всемирной стандартизации желательно и необходимо возрастание *социальной* роли государств – не как «суверенных» и воинственных соперников в борьбе за ресурсы, а как защитников своих граждан и хранителей своего этнокультурного и природного наследия. Роль резерваций для национальных культур и государственных языков выполняют многие государства и этнические автономии. Есть такая резервация и у русского этноса – вся Российская Федерация, и у населяющих эту федерацию нерусских народов – республики, выделенные по этническим признакам. Они в той или иной мере заботятся о сохранении национальных языков и культур, а надо бы распространить эти заботы на весь культурный ландшафт и его природные компоненты, ибо без сохранения родного ландшафта не может сохраниться и народ как целое; при утрате земли, почвы, ландшафта он может сохраняться только в диаспоре. В нашей стране малые народы, не получившие или лишившиеся своей территориальной автономии, быстро исчезают (как вепсы, разделённые между Ленинградской областью и Карелией; как шорцы после ликвидации их национального района в 1936 г.).

Сегодня «великому» русскому народу трудно понять «коренные малые народы», нуждающиеся в особой защите и покровительстве, но завтра, т.е. уже в текущем столетии и вряд ли позже, россияне сами окажутся в их положении. Ибо что такое 150 млн. этнических русских (на всём земном шаре), или 150 млн. жителей России (принадлежащих к разным этносам) в сравнении и по соседству с тремя миллиардами китайцев и индийцев?

8. Лесопарковая периферия ойкумены

Представим себе большой город, в котором по планам градостроителей или стихийно формируются *функциональные зоны* – селитебные, промышленные, торговые, складские, рекреационные. В некоторых отношениях вся земная суша превращается во Всемирный

город (Эйкуменополис) [41], а в большом городе и функциональные зоны велики; при интеграции в мировое хозяйство в них помещаются целые страны. Нет ничего трагического или позорного, если Россия своей большей частью (северо-восток Европы, Сибирь, Дальний Восток, Субарктика, все горы) попадёт в рекреационно-экологическую зону мира, станет *экологическим дополнением*, лесопарковой периферией континентов Старого Света. Ведь мы же не плачем от того, что на территории московского природного национального парка «Лосиный Остров» нет никакого промышленного развития. Регионы и страны, отказавшиеся от рутинного промышленного производства, появляются на краях геоэкономического спектра: на информационно-финансовом (США), на экологическом (Россия) и на обоих сразу (Швейцария); в промежуточной, промышленной зоне пока пребывает Китай, снабжающий «ширпотребом» и Америку, и Россию.

В рассуждениях российских геополитиков о многополярном мире звучит примитивная мечта снова поделить военно-стратегические сферы влияния и удержать гегемонию хотя бы в СНГ, тогда как природа уготовила России иную роль. В современном мире есть три *геоэкономических центра*; один из них – Североамериканский; Россия – природноресурсное дополнение двух других – Европейско-Средиземноморского и Юговосточноазиатского. Периферийное положение в глобальном экономическом пространстве благоприятно для экологической специализации: обширный лесопарк и должен располагаться на окраине города.

Если архаичные уклады, издержки модернизации, отбросы культуры в самом деле выталкиваются из «передовых» стран в «отсталые», то вытесняются на периферию и некоторые *природоохранные возможности*, утраченные в Западной Европе, но актуальные для России благодаря редконаселённости, бездорожью, суровому климату, бесхозяйственности. Нет худа без добра, можно *превратить недостатки в достоинства*. «Негативные» особенности России, при одномерном мышлении считающиеся признаками её отсталости, надо не преодолевать в погоне за «мировыми стандартами» и «мировым уровнем», а использовать, преобразовывать, развивать для решения новых, неожиданных, непривычных задач.

Чем больше людей сосредоточено на западе и юге Евразии, тем меньше должно оставаться всякого рода промышленности, населения, городов на северо-востоке. Россия может покорить человечество не оружием, а уникальным вкладом в дело сохранения биосферы, стать *экологическим полюсом* всего Восточного полушария. Это ли не величие? Это ли не прекрасно?

И опять нам пригодится сравнение всего мира с городом. Ведь безопаснее для здоровья жить в тихом и озеленённом спальном районе, чем в шумном центре города, переполненном людьми и транспортом. Так почему бы и всей стране не сохранить за собой аналогичное местоположение на земном шаре? Зачем ей рваться на место индустриального или финансового центра?

9. Нео-неолитическая контрреволюция

Как известно от археологов, в новом каменном веке появились животноводство и земледелие, произошёл медленный переход от присваивающего хозяйства (собираательства, рыболовства, охоты) к производящему – так называемая *неолитическая революция*, позволившая человечеству расти и развиваться быстрее. Но присваивающее хозяйство не исчезло, оно сохранялось у «отсталых» народов как основное занятие, а у «передовых» – как сопутствующее, оживая в эпохи кризисов и откатов.

После 1991 г. в России и других странах СНГ случилась «нео-неолитическая контрреволюция» – обвальная, массовый переход от производства новых вещей к присвоению имеющихся. Захватывается, потребляется, расточается, распродаётся, вывозится природное и культурное достояние; повсеместны грабёж, рэкет, рейдерство, *постоянное перераспределение* имущества [18]. Традиционные виды индустрии

сохранились, сосредоточились и процветают в немногих отраслях, обслуживающих экспроприаторов, например, в строительстве зданий и подводящих к ним автодорог. В большинстве прочих сфер товарное производство и наёмный труд невыгодны, а многие потребности удовлетворяются импортом.

Экономика России находится в *социальном тупике*, поскольку не помогает решению социальных задач, таких, как увеличение здоровья и продолжительности жизни, улучшение окружающей среды, обеспечение доступным жильём, повышение качества образования, сохранение и развитие науки и гуманистической культуры. Погоня монопольных производителей за сверхприбылями, а потребителей за быстро устаревающими техническими новшествами способствует дальнейшему загрязнению и разрушению биосферы [33]; автомобилизация, развивающаяся якобы для улучшения транспортной работы, приводит к противоположному результату – к парализации транспорта вообще [34]. Строительство многоэтажных домов в городах и коттеджей в пригородах, скупка земли и лесов с уничтожением природного ландшафта являются не функциональными, а инвестиционными мероприятиями, поскольку у инвесторов нет более надежных способов вложения капитала. Строительные организации, как и прочие производители, заинтересованы в скорейшем износе и разрушении своей продукции. Государственное хозяйство по-прежнему деформировано милитаризмом. С точки зрения гуманизма и здравого смысла вся такая экономика выглядит весьма сомнительной, если не сказать больше – совершенно извращённой.

Россия в качестве производящей страны имеет мало перспектив на мировом рынке не только по экономическим, но и по моральным причинам. В «развитых» странах покупатель всё чаще отказывается от продуктов, произведённых с нарушением экологических норм, с пренебрежением к правам человека и животных. (Вспомним бойкот шуб из натурального меха и паштета из гусиной печени). Но какая продукция выпускается в России без подобных нарушений?

Согласно общечеловеческим моральным нормам, нехорошо приобретать вещи, добытые преступным путём, а осведомлённый о происхождении товаров скупщик краденого становится соучастником преступления. Но что у нас в России производится и перепродаётся без существенного нарушения законов? Не соблюдаются правила природопользования, антимонопольное и трудовое законодательство, санитарные нормы, нарушается рецептура при изготовлении лекарств и пищевых продуктов, имеет место повальное уклонение от налогов.

В нашей стране ничтожна роль профсоюзов, они крайне мало защищают интересы трудящихся. Значительная часть экономики – теньевая, не предполагающая соблюдения норм трудового кодекса. Добычей нефти и газа уничтожается родовое хозяйство аборигенов Сибири, а для ежегодного вывоза из Якутии одного-двух чемоданов с алмазами испорчена территория не меньше Швейцарии [22]. Это постепенно доходит до сознания экологически ориентированного потребителя. Уже востребована *экологическая сертификация* российского лесопользования [19], не избежать этого и другим экспортным отраслям. Впрочем, российские производители и экспортёры научились имитировать природоохранную деятельность и фальсифицировать экспертизы, а западные импортёры – закрывать на это глаза.

СССР был гигантским военным заводом, где товарам для населения отводилась роль жалких отходов военной промышленности. Возродить производство в России значит реанимировать ВПК; продавать слегка устаревшее оружие, стимулируя конфликты, в конце концов оборачивающиеся против нас. Однако, отказавшись от «тяжёлой промышленности» и «среднего машиностроения», наша страна могла бы решительно шагнуть в постиндустриальное общество – конечно, не в его деловой центр, но и не на грязные задворки, а в периферийную природоохранную зону.

10. Экофильное природопользование

Если России суждено оставаться природно-ресурсным придатком развитых стран, то её главные экспортные ресурсы, в отличие от нефти и газа, должны быть легко возобновляемыми или вовсе не расходуемыми. Экологическая специализация предполагает *экофильное хозяйство* на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение – потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); *экологический туризм* [5] – активное передвижение людей ради контакта с природным ландшафтом, который потребляется главным образом информационно, духовно, как источник впечатлений, а не сырья и товаров, без присвоения и разрушения природных ресурсов посетителями. Аналогичные впечатления мы получаем в музеях и на выставках, но, как известно, «восторги от созерцания природы выше, чем от искусства» (П.И. Чайковский).

Потомки крестьян, переселившихся в город, не порывают с деревней, приезжают туда на лето, используют и преобразуют старое семейное жильё. Вот так же и многие россияне, подолгу или постоянно живущие за рубежом, а также их потомки, смогут посещать «историческую родину» в качестве туристов и рекреантов. С открытием государственных границ размываются традиционные понятия эмиграции и иммиграции, а манипулирование этими наполовину устаревшими словами становится «неполиткорректным». Недостаточная возможность реализоваться на родине, а также присущая многим «охота к перемене мест» и смене впечатлений побуждает наших соотечественников рассеиваться по всему земному шару. Как показывают наблюдения, именно эта категория россиян проявляет наибольший интерес и равнодушие к нашей стране. Вместе с тем, чистая экзотика, суровая природа, возможности для нешуточного экстремального туризма привлекают и «настоящих» иностранцев, и коренных россиян.

Находясь на некоторой стадии мировой урбанизации, Россия может занять по отношению к Западной Европе и США такое же место, как Подмосковье по отношению к Москве, т.е. принять на себя глобальные функции «пригородной зоны мира» – быть источником и резервуаром чистой воды и воздуха, местом физического и духовного оздоровления своих посетителей, но главная и первоочередная задача – *простое сохранение* природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата. Если где-то какой-то туризм, даже самый экологический, и какая-то хозяйственная деятельность, даже весьма экофильная, мешает природоохранным задачам, то долой и такой туризм, и такое хозяйство!

Не «что делать?», а «чего не делать?» – вот роковой вопрос для России: воздерживаться от вредной, экофобной деятельности, вроде советского обслуживания ВПК и постсоветского грабежа природы, и получать отступные от богатых, более «развитых» стран. Россия сможет продавать свои квоты не только по Киотскому протоколу, но и по другим аналогичным будущим соглашениям.

Есть мнение, что Западная Европа и так уже должна России как экологическому донору за кислород, вырабатываемый нашими лесами и болотами [3], за отказ сельского хозяйства от химикатов, загрязнявших моря через речной сток. Отсюда лишь шаг до мысли, что основной доход Россия должна иметь не от действий, а от бездействия. Средством достижения цели может быть не только деятельность, но и *благостное недеяние*.

Невмешательство в естественный процесс периодически применяется в агрономии, когда земледelec, посадивший растения, на некоторое время оставляет их в покое. Благостным недеянием не раз бывало невмешательство государства в экономику, которая расцветала благодаря принципу «*laissez faire, laissez passer*». Благостное недеяние, или плодотворное невмешательство означает, что мы доверяем выращиваемому и воспитуемому, предоставляем ему свободу, надеемся на его способности к саморазвитию и самоорганизации. Сегодня принято думать, будто для достижения результатов всегда надо действовать, а чтобы чего-то достичь, надо иметь надлежащее финансирование.

Такая точка зрения и соответствующий ей образ действий становятся разрушительными для биосферы и человеческого общества. Современному человечеству, охваченному *манией деятельности*, очень не достаёт понимания благодати надеяния.

Труд в «развитых» странах стал настолько производительным, что уже исключает необходимость работы в странах с низкой производительностью и порочными трудовыми отношениями; глобальный мир прощается с господством наёмного труда и сплошной занятости [1]. Не исключено, что вскоре большинство землян будет жить на пособия. Россия и тут «впереди планеты всей»: у нас на огромной внегородской территории постоянно (круглый год) обитают только получатели пособий и пенсий. И эти пособия надо увеличивать, чтобы поддерживать сельское расселение. Вот тут бы и пришли на помощь иностранные спонсоры, как известно, заинтересованные в сохранении российской природы зачастую больше, чем жители России. Думаю, чтобы не потерять леса Сибири и озеро Байкал как источники экологических ресурсов мирового значения, богатые страны в состоянии взять на иждивение несколько миллионов россиян; ведь это немного по сравнению с нуждающимися в такой же поддержке жителями Африки.

Жизнь на пособия бестолкова и обрекает на обнищание тех, кто одержим приобретением материальных благ, но если у личности преобладают духовно-информационные интересы, если это некоммерческий писатель, поэт, художник, учёный, не способный или не желающий приспособиться к рынку, то он может продвигаться в своём личном творчестве, по линии своих хобби, привлекая к ним других таких же свободных от принудительного труда людей и становясь их лидером. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что современная западная цивилизация, ставшая лишь в XX веке такой рыночной, в значительной мере сформирована в XVII – XIX веках деятелями, не работавшими по найму, а жившими за счёт своей ренты или на содержании у меценатов. В наши дни во многих странах в местном самоуправлении подвизаются граждане, не получающие за это никакой зарплаты; среди них могут быть и рантье, и пенсионеры. Для многих видов творчества и публичной деятельности просто необходимо, чтобы получаемый доход не имел ни малейшей связи с характером занятий, дабы они не извращалась коммерческими стимулами.

Если большинство советских людей долгое время имело от своего государства зарплату за бесполезный и вредный псевдотруд на рабочих местах, то почему бы их потомкам, т.е. новым поколениям россиян, не получать от других государств приличное жалованье за полезное воздержание от вредной деятельности? Ведь лучше быть явным, честным, легальным «безработным», т.е., скорее всего, работоголиком в домашнем хозяйстве, в деле воспитания детей, в своем художественном творчестве, предаваться своим хобби и может быть собирать силы для занятия своим бизнесом, нежели имитацией труда в учреждении морочить голову населению, плодя бумаги в канцеляриях и вымогая взятки с посетителей. Мир явно стоит на пороге радикального изменения трудовых отношений, но нам не хватает подходящих терминов для описания этого процесса, а привычные слова «труд», «занятость», «зарплата», «безработица» и т.п. скорее мешают понять происходящее.

Чтобы Россия была востребована и оплачивалась в качестве экологического донора, нужна просветительская работа в «передовых» странах мира, где развивается наука и формируется международное общественное мнение. Для того, чтобы народу доставалась хотя бы часть компенсации за донорство, надо, чтобы государство у нас было не *господствующим* (обеспечивающим потребности правящей и владеющей верхушки), а *служебным* (обслуживающим всех граждан как налогоплательщиков в качестве нанятой ими и подконтрольной им организации). Господствующее государство характерно для средневековых азиатских монархий. В XVIII – XX веках почти все государства мира преобразовались в служебные. У России были три отчаянные попытки – в 1905, 1917 и 1991 гг.

В Западной Европе выработанные карьеры превращаются в озёра с зонами отдыха, а у нас чаще всего – в открытые свалки. Россия при её однобокой экспортно-сырьевой ориентации вся становится отработанным месторождением. И альтернативой экофильному природопользованию может быть превращение страны во всемирную свалку. Такой путь диктуется фактически сложившейся у нас примитивной, безответственной рыночной экономикой и приносит скорую прибыль «хозяевам земли русской». Поглощение «догоняющей» страной двух видов отходов, поступающих от других «цивилизаций» – физических и духовных – явления взаимосвязанные. За отбросами массовой культуры, растлевающими общество, следует вещественный мусор, например, не утилизированная тара и ядерные отходы.

Экологическая, как и иная возможная специализация России может сложиться в результате саморазвития постиндустриального мира без того, чтобы кто-то заставил одни страны и народы делать одно, а иные другое; ну как складывается разделение людей по профессиям и распределение товаров по ассортименту: отчасти по планам отдельных лиц и предприятий, отчасти совсем стихийно. Однако в ближайшем, обозримом будущем «невидимая рука» А.Смита или тяжёлая длань самодержца вряд ли подтолкнут Россию к экологической специализации. Вероятно, потребуются если не всемирное правительство или окрепшая ООН в его роли, то какое-то надгосударственное и сверхэкономическое давление международных институтов гражданского общества [17]. Социально ответственная и экологичная глобальная экономика, не раздираемая соперничеством государств и транснациональных корпораций – не мечта ли это о *конвергенции* капитализма и социализма (почти по А.Сахарову)?

11. Облагораживание и использование пороков

Шантаж, вымогательство, очковтирательство, иждивенчество в зарубежных связях россиян (на всех уровнях – от государственного до личного), умение и привычка доить иностранных партнёров, спонсоров, инвесторов, имитация грантоподдерживающей деятельности – всё это может получить плодотворное продолжение на экологическом поприще. «Приостановим уничтожение химического оружия, допустим второй Чернобыль, дальнейшее загрязнение Финского залива и Байкала, вырубку девственных лесов, исчезновение тигра и леопарда, если не дадите денег», – все такие циничные угрозы можно смягчить и перевести на постоянную коммерческую основу в виде законной платы за экологические услуги.

Многие полезные социальные институты возникли из вредных и порочных: правовое государство из силового, частная собственность – отчасти благодаря краже (почти по П.Прудону); знаменитые коллекции и музеи пополнялись грабителями и скупщиками краденого. Материальный и научно-технический прогресс своими темпами и результатами обязан самым отвратительным человеческим качествам – агрессивности и алчности. В российской экономической системе нет резких границ между пожертвованиями, налогами и рэкетом. Меценатом, благотворителем, спонсором можно быть и по велению души, и по настоятельному совету администрации. Нет чёткой грани между данью бандитам и наймом охранников.

Если даже страшные злодеяния нередко становятся локомотивами культуры, то почему бы не задействовать на экологической ниве такие всеобщие и сравнительно безобидные пороки, как лень, пассивность, апатия, боязнь риска, недоверие к новшествам, чёрная зависть, неуважение к собственности, склонность к иждивенчеству, ксенофобия. Вместе с тем я полагаю, что известные недостатки России и её жителей исторически преходящи и исправимы, так что сами по себе они могут служить не причиной, а только дополнительным поводом для перевода нашей страны на экологическую специализацию. Главный фактор – объективные особенности географического положения и природных условий.

12. Приоритет уникальности и особый путь России

В середине XX века в советском Азербайджане на Ленкоранской низменности вырубili уникальные субтропические леса, чтобы «завалить Москву помидорами». То было не только решение чиновников, спущенное сверху, но и естественное давление народной рыночной (базарной) экономики снизу, со стороны колхозов и приусадебных хозяйств. Пару десятилетий спустя СССР аналогичным образом погубил западносибирскую и якутскую тайгу, чтобы залить Европу нефтью и засыпать мир алмазами. Некоторые отечественные экономикогеографы возражали против подобного конформистского использования природных ресурсов. Они полагали, что в каждом месте надо выращивать, производить прежде всего то, что можно получить только здесь [20]. Это правило можно распространить на всю человеческую деятельность и назвать *приоритетом уникальности*.

С точки зрения здравого смысла выбор специализации страной или регионом вполне аналогичен *профессиональной ориентации*. Если человек проявляет уникальные способности, скажем, в сфере искусства или науки, то надо избавить его от необходимости зарабатывать на жизнь рутинным трудом, которым могут заниматься миллионы прочих людей. Сложившаяся в постсоветской России рыночная или псевдорыночная экономика пока не способствует расцвету уникальности ни у личности, ни у региона.

Не знаю, при каком «экономическом укладе» или «политическом строе» для проявления уникальности открыта «зелёная улица», но вот и теоретики глобализации советуют развивающимся странам не стремиться делать всё то, что уже делают развитые страны, а реализовывать свои специфические возможности и таким образом оказываться вне конкуренции. Конечно, некоторые страны «третьего мира» достигают высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в определённых отраслях хозяйства на основе хищнического расточения невозобновляемых природных ресурсов и нарушения достойных человека условий труда [1], но это – тупиковый путь, ведущий к близкому краху. России тоже пора начинать подготовку к тому моменту, когда придётся слезать с нефтегазовой иглы.

Особый путь России или общий со всем человечеством – такая грубая дилемма вызывает досаду, ибо оставлен без внимания третий, промежуточный вариант – учёт и использование нашей *географической специфики*, приоритетное развитие собственного природного и культурного наследия. Географическая специфика как *ресурс развития* есть даже у карликов вроде Андорры и Монако (и они её великолепно используют), но в силу огромности нашей страны её особенности имеют глобальное значение.

13. Экологизация не мешает «постиндустриализации»

Изложенная здесь программа экологизации России касается большей части её земли, но не занятий большинства людей. Никто не предлагает всем россиянам стать охотниками и рыбаками, сторожами и егерями, служить в экологической полиции, изображать поселян и пастухов на потеху туристам и т.п. Экологическая специализация предполагается для той большей части российской территории, на которой проживает ничтожно малая часть населения. На остальной относительно небольшой площади, которая фрагментарно, островами разбросана преимущественно по юго-западной полосе и охватывает места постоянного проживания подавляющего большинства наших сограждан, специализация может и должна быть совсем иной – отвечающей вызовам постиндустриального XX столетия.

Превращение большей части России в природные резерваты не помешает, а наоборот, поможет её большим городам быть центрами науки и высоких технологий, если

государство приложит к этой задаче надлежащие усилия. Горожане приобретут более здоровую природную среду для повседневной жизни и для творческого труда. Как раз умственный труд инженера, программиста, учёного великолепно сочетается с экологическим туризмом и, более того, по-видимому и не может без него существовать.

Не случайно застрельщиками активного туризма в СССР были инженеры, техники, научные работники из ВПК. «Инстинктивно» нащупав для себя единственно правильную оздоровляющую компенсацию их суровому повседневному образу жизни, скованному дисциплиной и страхом нарушить государственную тайну, эти люди, задолго до прихода в нашу страну ныне модных слов *трекинг*, *хайк*, *экстрим*, открыли для себя такой вид досуга, как самодеятельные туристские походы по «ненаселёнке», по тайге, горам, порожистым рекам. Невозможно представить, как бы трудились эти работники в своём серьёзном ведомстве, если бы не научились сами себя физически и духовно оздоравливать и укреплять при контакте с почти дикой природой, ставшей для них и объектом квазирелигиозного культа. Выходит, что успехами в гонке вооружений и освоении космоса наша «великая держава» обязана в значительной мере походному туризму [29, 31].

России не следует возвращаться в индустриальный мир, ибо этот поезд уже ушёл. Любые непродовольственные товары невоенного назначения, которые можно произвести в России, даже если они будут конкурентоспособными – это в море мировой экономики ничтожная капля, ради которой не стоит стараться. Одежду и обувь, компьютеры и телефоны для всего мира пока что успешно делают в Китае, а вскоре будут делать в Индии и Индонезии. Налаживать в России рутинное промышленное производство значит становиться зависимым индустриальным придатком Юго-Восточной Азии. Напротив, Россия должна развивать у себя опытно-конструкторские работы, экспериментальное, малотиражное и опытное производство, да и то лишь на первых стадиях, а потом продавать свои научно-технические достижения для внедрения их в многолюдных странах с нормальной трудовой этикой [37]. Своих рабочих мы уже потеряли, но условия для воспроизводства инженеров, конструкторов, учёных можно сохранить, если не разрушать отечественную науку и образование.

Никто, кроме самих россиян, не сможет помешать процветанию наших больших городов в постиндустриальной эре, но на большей части России, где сегодня проживает ничтожная часть ее населения, пусть благоденствуют растения и животные, а человеческая история «да прекратит там течение своё».

14. Экологическая специализация и целостность территории

Экологическая специализация могла бы способствовать сохранению территориальной и политической *целостности* России. Ведь при развитии только материального производства наша страна, особенно в случае резкого удорожания транспорта, скорее разделится между иностранными сферами влияния, поскольку по трудовым связям, миграциям, экспорту-импорту север её европейской части будет тяготеть к Скандинавии, средняя полоса к Западной и Центрально-Восточной Европе, юг к Средиземноморью, Сибирь к Китаю и Японии, что уже намечалось в 90-х годах и отчасти наблюдается сегодня. Напротив, в качестве природного парка территориальное ядро России лучше уцелеет за неимением у него сколько-нибудь существенных экономических связей (в традиционном смысле слова). Сохранится целостность страны в определённой, нетривиальной роли – в природоохранной, экологической.

В последние годы с подачи кремлёвских идеологов принято называть русских *государствообразующим* этносом. Не вдаваясь в вопрос, одно ли и то же государство существует у нас со времён Киевско-Новгородской Руси или оно возникало несколько раз и какие этносы преобладали в командах князя Олега и В.И.Ленина, согласимся с вышеприведённым утверждением наполовину. Сегодня русский народ является

государствоподдерживающим этносом. Но поддерживать государство с такой огромной территорией одному, по отношению к ней малочисленному, русскому этносу не под силу, тем более перед лицом возрастающего демографического давления Китая и многолетних исламских стран и регионов. Но это значит, что в усилиях по поддержанию своего государства русскому народу надо спешно искать надёжных союзников.

России как самой обширной стране мира и, в недавнем прошлом, одной из двух сверхдержав, нелегко быть равноправным партнёром ни с кем из своих соседей; роковыми особенностями своей истории и географии наша страна и так уже обречена на геополитическое одиночество. В последние годы это одиночество усугубилось из-за более чем странной внешней политики. Россия в начале XXI века ухитрилась испортить отношения почти со всеми бывшими советскими союзными республиками, не говоря уже о бывших членах зарубежного «соцлагеря». Выходит, что наша страна, дабы оставаться совершенно независимой (т.е. вполне одинокой) и «великой» даже в случае резкого ухудшения нефтегазовой конъюнктуры, должна надеяться только на ядерное оружие.

Но ведь можно предложить противоположный путь, сугубо мирный и гуманный. В интересах самосохранения Россия должна опираться не столько на свои вооружённые силы, сколько на экологические движения всего мира, быть может, организовать своего рода *экологический интернационал*, противопоставив его хищничеству транснациональных корпораций и своих (противо)естественных монополий. Думается, что именно глобальный, международный подход к природоохранной миссии России больше всего способствовал бы её сохранению как уникальной страны и очень специфичной цивилизации.

15. Экология, идеология, мифология

Нашим ангажированным интеллектуалам можно не мучиться в поисках государственной идеологии. У проекта экологической специализации – блистательные *идеологические перспективы*. Мифам о величии, уникальности, особой духовности России и об её мессианской роли экологическая программа не противоречит; напротив, она даёт им дополнительную пищу. Либералы-западники, национал-патриоты, неоимперцы-евразийцы, экологи-неоязычники и даже православные могли бы обрести в экологической концепции свои ниши.

Чаемый либералами демократичный надгосударственный мировой рынок мог бы открыть для себя и востребовать российский экологический продукт. Русские националисты должны бы радоваться тому, что от обилия природных заповедников и парков условия жизни русского этноса станут здоровее, приток иммигрантов уменьшится, процесс дерусификации страны замедлится, деревня в качестве колыбели народа, его корней и почвы, лучше сохранится, а вся Россия станет *великой экологической державой* [36]. Неоевразийцам так же должна быть приятна основанная на экологии возможность сохранения величия и целостности многоэтнической России как «особой цивилизации» во главе с известным «государствообразующим» этносом. Большим природоохранным потенциалом обладает «неоязычество» – попытки возродить дохристианскую этническую религию, которая в значительной мере была повседневной практической экологией и фенологией. И, наконец, о православии поговорим подробнее.

Сегодня в православных храмах и около них можно видеть различные объявления касательно паломнических поездок, воскресных школ, православных детских и молодёжных лагерей, в которых, между прочим, обучают боевым искусствам и владению оружием, но что-то не видно признаков экологической деятельности. А ведь экологические мероприятия во всем мире считаются неотъемлемой частью социальной работы, которой РПЦ, судя по её декларациям, придаёт важное значение.

Православная церковь могла бы внушить своей пастве, что Бог хранил и готовил Россию для экологической миссии. Согласование православия с экологической доктриной

– задача не более сложная, чем недавние провозглашения святой Варвары-великомученицы небесной покровительницей ракетных войск, а Ильи-пророка – воздушно-десантных. Если сегодня каждому российскому ведомству и роду занятий фактически полагается иметь святого покровителя, то не должна быть сиротой и экология. Поскольку святых гораздо меньше, чем актуальных направлений деятельности, то каждый святой может по совместительству опекать нескольких отраслей.

Православные могли бы взять пример у более шустрых католиков, которые давно назначили патроном экологии Франциска Ассизского, отличавшегося бережным отношением ко всем живым существам. Поскольку он не дожил до пожилого возраста и святость свою проявил в молодости, это послужило поводом объявить его покровителем именно молодёжных социальных и экологических движений.

Едва ли не самым почитаемым православным деятелем считается Сергей Радонежский. Он, по преданию, знал язык зверей и птиц и, как свидетельствует известнейшая картинка из его жития, договорился с медведем, хозяином леса, дабы тот не препятствовал ему основать монашескую обитель. Так почему бы не провозгласить Преподобного покровителем экологии? Заодно затронем и другой сюжет: церковь любит благословлять вооружённые силы, так почему бы ей не благословить военных и на экологическую деятельность?

Не лучше обстоит дело и в сфере сказок для детей. В противовес Санта-Клаусу, живущему в Лапландии, у нас почти официально, с благословения церкви, утверждён и поселён в Великом Устюге Дед Мороз, этот явно языческий детский бог, по мнению некоторых исследователей, наследник образа Велеса и сменившего его святого Николая-угодника [6], а теперь уже и местное божество, поддерживаемое администрацией Вологодской области. (Интересная тенденция! Каких ещё региональных богов сотворят себе прочие субъекты федерации?).

В жертву детскому богу приносятся ёлки. Даже если они выращены в специальных лесных питомниках или являются полностью искусственными, они всё равно внушают ребёнку вредную мысль: всякое дерево растёт, чтобы быть срубленным. Нормальный малыш после исполнения ему серьёзно, без улыбки, песни «В лесу родилась ёлочка» скорее всего заплачет. Он ещё не понимает толком, что такое ёлочка, но ему её жалко. А в дальнейшей жизни ребёнка эта быть может полуинстинктивная, почти врождённая жалость вытравляется, сменяясь агрессивно-потребительской ориентацией: срубить, сорвать (сначала цветочки, а потом «бабки»); брать, получать, доставать, приобретать, покупать, хватать, хапать... С точки зрения экологии нам был бы полезен не Дед Мороз, а дед Мазай, спасавший зайцев, – между прочим, такой же литературный персонаж, придуманный русским писателем, как и славная ассистентка Деда Мороза Снегурочка. (При опросе, кем, по-твоему, приходится Деду Морозу Снегурочка, малыши отвечали «жена», «дочка», «внучка», а шесть процентов опрошенных промолчали и покраснели).

С любой из вышеописанных «идеологий» экологическая доктрина соприкасается одной гранью, хотя другие стороны не совместимы. От рыночников неприемлема готовность «продавать Россию» «оптом и в розницу»; от националистов – ксенофобия, расизм, шовинизм; от евразийцев – мечта возродить империю, слишком похожую на СССР; от неоязычников – некоторые ксенофобские установки и варварские обряды; от христиан – умаление значимости земной жизни по сравнению с загробно-небесной.

В общем, для экологического воспитания и мифами пренебрегать не следует, но и не впадая в мистику, можно предположить, «что, сохраняя, оберегая своё, Россия на самом деле, может быть лучше других стран, работает на сохранение всей Земли в будущем» [3, с. 78]. Для России открывается замечательный шанс прекратить сизифов труд, выйти из изнурительной гонки, вырваться из порочного круга догоняюще-отстающего, подражательно-имитационного *псевдоразвития* и обрести тем самым более достойное, устойчивое, уникальное место в мировом сообществе.

Перевоспитать весь народ в любом, в том числе и в экологическом направлении, можно за очень короткий срок, всего в несколько месяцев, при помощи телевидения, которое у нас в основном оболванивает обывателей, но могло бы с такой же силой прививать полезные идеи и добрые чувства, если бы хозяева СМИ были в этом заинтересованы. Опыт агитации и пропаганды при тоталитарных политических режимах и достижения рекламного бизнеса при самой что ни на есть рыночной демократии также могут быть востребованы.

Заключение

Сегодня Россия, как и СССР, – всё та же бюрократическая колониальная империя, живущая за счёт безудержного расточения невозобновляемых природных и антропогенных ресурсов. Уже далёкими кажутся первые послечернобыльские годы, когда многие новоиспечённые политики из КПСС, комсомола и КГБ перескакивали в «демократию» на «зелёном коньке» экологии. У нынешних правителей России экологическая тема не в фаворе, им не нужны программы, «мешающие экономическому развитию». Сокрушительным ударом по охране природы стал новый Лесной кодекс, принятый в 2006 г. в интересах высших чиновников президентской администрации и связанного с ними бизнеса. Не за горами и следующие законопроекты той же направленности.

Наметилась тенденция считать подрывными организации, финансируемые из-за рубежа. (Но кто же в России посмеет финансировать какое-либо общественное движение без команды или одобрения «высшего руководства»?) Некоторые судебные процессы, заказные нападения и погромы сигнализировали об участии, ожидающей чересчур активных экологов. Экология загонялась в безгласное подполье в годы относительно благополучной «стабильности» (2000 – 2007), украшенной цифрами экономического роста, а ныне, ввиду финансово-экономического кризиса и угрозы обострения социальных конфликтов, она отодвинется ещё дальше. «У нас теперь кризис, нам не до экологии!». После того, как объявят, что кризис закончился, наступит (опять, в который уже раз!) очередной «переходный» период восстановления, когда надо будет напрячь силы на главных направлениях и забыть о второстепенных.

Адекватное понимание экологических проблем у народа (телезрителей) не сформировано. Под «экологией» обыватель понимает главным образом загрязнение и, не будучи в силах эту ситуацию изменить, нередко даже гордится своей выносливостью: «А мы – ничего: живём, дышим этим воздухом, пьём эту воду». Но «экология» не сводится к загрязнению. В этой сфере многие технологии разработаны и в иных странах успешно применяются. Другое дело – ландшафтно-территориальные аспекты охраны природы; они в нашей стране интересуют лишь крайне узкий круг учёных и не освещаются в СМИ, а всё то, чего не показывает телевидение, для общества не существует.

Российские экологи надеются на *внутриполитический маятник*, который рано или поздно качнётся в нашу сторону. Царящая ныне глубокая ночь наполнена ожиданием неотвратимого рассвета [12]. Но политические сутки не столь правильны, как астрономические; своевременное наступление утра не гарантировано. Так стоит ли выдвигать проекты, казалось бы, заведомо безнадёжные и более чем несвоевременные?

Высказывать «неуместные» и «несвоевременные» мысли – что-то вроде профессиональной привычки у некоторых членов научного сообщества. Пытаясь понять и предвидеть происходящее, мыслители проводят рациональные касательные к абсурдным извилинам реальности. Мне кажется, что вырастающие на почве исследований социальные проекты надо оценивать независимо от веры или неверия в их осуществимость. Многие давно осуществлённые изобретения и идеи начинали свою жизнь как утопии. Предложение отказаться от догоняющего развития и превратить большую часть России в природный и этнический резерват может шокировать

непривычностью темы и прямолинейностью формулировки, но это – не изолированный экспромт, а завершение целой пирамиды аргументов и фактов. Сама система ранее опубликованных работ выстроилась таким образом, что остался лишь последний шаг для решающего вывода.

Весьма вероятно, что экологическая специализация России станет одной из *великих упущенных возможностей*, таких, как искусственный нейтральный международный язык и всеобщее и полное разоружение в XX веке. Однако замечу, что ни того, ни другого, равно как и задачи сохранения биосферы, история с повестки дня окончательно не сняла. Да, не искусственный и нейтральный, а естественный и национальный по своему происхождению английский язык стал международным, обрекая на врождённую второсортность всех людей, для которых он не является родным. Да, не восторжествовали на Земле мир и дружба народов, но царит вооружённый раскол. Но противоположные, альтернативные идеи не умерли, они только ушли в подполье и там ждут своего часа.

Согласно закономерности, названной в теоретической географии «эффектом Биттлс(ов)» [39], любые новшества, возникающие на периферии, должны сначала получить известность и апробироваться в центре, и только оттуда они смогут потом распространяться вширь. Идеи и изобретения, родившиеся в России, как правило, не могут быть поняты, оценены и поддержаны в своём отечестве до того, как придут аналогичные новшества из-за границы. Я думаю, что и концепция глобальной экологической специализации тоже вскоре поступит к нам из англоязычного западного мира и будет встречена, как все импортные продукты, с присущей российскому менталитету непримиримой чёрно-белой полярностью: одними восторженно, другими враждебно, как ещё одна попытка известных врагов ослабить Россию, лишить её пресловутой конкурентоспособности.

Сегодня мои экологические идеи могут рассчитывать на безоговорочную поддержку разве что очень радикальных экологов, которые считают, что люди вообще не имеют никакого права господствовать над природой, должны уступить дикому животному миру чуть ли не половину суши и ни под каким предлогом не вмешиваться в жизнь заповедников, не тревожить их обитателей даже научными исследованиями [2]. Признаюсь, что и мне симпатична такая точка зрения, хотя я понимаю, что «научное обоснование» её вряд ли возможно, так как она относится к сфере морально-нравственных убеждений и квазирелигиозной веры.

Легко и, кажется, вполне логично было бы предположить, что *природный резерват* или *мусорная свалка* – умозрительные, теоретические крайности возможного будущего России, а реальность расположится между ними. Увы! не всякие противоположности допускают золотую середину: смесь чистого с грязным – это всё-таки грязь.

Ссылки

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
2. Борейко В.Е. Этика и менеджмент заповедного дела. – Киев, 2005.
3. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века, XVIII – XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). – Новосибирск, 2002.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М., 2001.
5. Дроздов А.В. Основы экологического туризма. – М., 2005.
6. Жарникова С.В. Исторические корни календарных обрядов. – Вологда, 2003.
7. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М., 2001.
8. Каганский В.Л. Внутренний Урал // Отечественные записки, 2003, № 3.
9. Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки, 2004, № 1.

10. *Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Неизвестная Чувашия // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. Вып. 2. – М., 2005.
11. *Каганский В.Л.* Пространство в теоретической географии школы Б.Б.Родомана: итоги, проблемы, программа // Изв. РАН, серия геогр., 2009, № 2 (в печати).
12. *Ларин В.И., Мнацаканян Р.А., Честин И.Е., Шварц Е.А.* Охрана природы России: от Горбачёва до Путина. – М., 2003.
13. *Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М., 2008.
14. *Надеждин И.* Ближнее Подъевропье // Итоги, 26 сентября 2005.
15. *Нефёдова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М., 2003.
16. *Нефёдова Т.Г., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М., 2006.
17. *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство. – М., 2003.
18. *Полтерович В.М.* Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Пути России: двадцать лет перемен. – М., 2005.
19. *Птичников А.В.* Леса России: независимая сертификация и устойчивое управление. – М., 1970.
20. *Ракитников А.Н.* География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). – М., 1970.
21. *Римашевская Н.М.* Богатые и «социальное дно» // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. – М., 2003.
22. *Родоман Б.Б.* На краю воронки // География (еженедельник), 1994, № 12.
23. *Родоман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. – М., 1996.
24. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск, 1999.
25. *Родоман Б.Б.* Идеальный капитализм и российская реальность // Неприкосновенный запас, 2001, № 3.
26. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера: Сборник статей. – Смоленск, 2002.
27. *Родоман Б.Б.* Великое приземление (парадоксы российской субурбанизации) // Отечественные записки, 2002, № 6.
28. *Родоман Б.Б.* Башкирия: начало пути // Отечественные записки, 2003, № 3.
29. *Родоман Б.Б.* Под открытым небом: О гуманистичном экологическом воспитании. – М., изд. 1-е, 2004; изд. 2-е, 2006.
30. *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация России в глобализирующемся мире: «нестандартное решение»? // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. – М., 2004.
31. *Родоман Б.Б.* Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов // Отечественные записки, 2005, № 6.
32. *Родоман Б.Б.* Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность, 2006, № 2.
33. *Родоман Б.Б.* Экономика всеобщего загрязнения // Отечественные записки, 2007, № 2.
34. *Родоман Б.Б.* Автомобильный тупик России и мира. – Текст лекции, прочитанной 13 декабря 2007 г. в рамках проекта «Публичные лекции "Полит.ру"». <http://www.polit.ru/lectures/2008/01/10/transport.html>
35. *Родоман Б.Б., Каганский В.Л.* Русская саванна // География (еженедельник), 2004, № 5.
36. *Россия и её регионы. Внешние и внутренние экологические угрозы / ред. Н.Н.Клюев.* – М., 2001.
37. *Рубан О.* Приручить дракона // Эксперт, 2008, № 13.
38. *Уатт К.* Экология и управление природными ресурсами. – М., 1971.
39. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. – М., 1971

40. *Шварц Е.А.* Экологические сети в Северной Евразии // Изв. РАН, серия геогр., 1998, № 4.
41. *Doxiadis С.А.* Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. – N.Y., 1968.

Адрес для корреспонденции

Борис Борисович **Родман**

Институт Наследия

Россия, 115560 Москва, ул. Космонавтов, дом 2

heritage@mtu-net.ru